

**«ПРОТИВ СПРАВЕДЛИВОСТИ»:
ЦИЦЕРОН КАК ТЕКСТУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК И ИНТЕРПРЕТАТОР
СВИДЕТЕЛЬСТВ О «ФИЛОСОФСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ»
И СКЕПТИЧЕСКИХ РЕЧАХ КАРНЕАДА**

Д. А. ФЕДОРОВ

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), riarman@gmail.com

DENIS A. FEDOROV

Herzen State Pedagogical University (Russia)

"AGAINST JUSTICE": CICERO AS A TEXTUAL SOURCE AND INTERPRETER OF TESTIMONIES ABOUT
THE "PHILOSOPHICAL EMBASSY" AND THE CARNEADES' SKEPTICAL SPEECHES

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of reflection in the texts of Cicero of evidence of the propaganda and educational activities of the "philosophical embassy" in Rome under the leadership Carneades as the head of the new Academy, and the content of his philosophical speeches before the Roman audience. Particular attention is paid to the problem of Cicero's interpretation of the text of the famous speech of Carneades "Against Justice" that has not come down to us, which is reflected in the partially preserved third book of the treatise *De Re Publica*. According to the author of the article, Cicero, trying to popularize the methodological principle of philosophizing characteristic of skeptics, updated and modernized the theses of Carneades in relation to the realities of his era and his own pragmatic goals in the specific socio-political conditions of the crisis of the late Roman Republic.

KEYWORDS: Cicero, Carneades, *De Re Publica*, skepticism, justice.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00349 «Скептическая традиция в античном платонизме». The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00349 «Skeptical tradition in the ancient Platonism».

«Великое посольство» афинских философов в Рим в 155 г. во главе с Карнеадам во многом рассматривалось более поздними античными авторами как весьма значимое радикально-конфликтное столкновение двух культурно-мировоззренческих парадигм той эпохи – традиционного римского консерватизма, с одной стороны, и «новомодной» «греческой учености», на

первом этапе оцениваемой ревнителями стародавних традиций не иначе как покушение на вековые устои славных предков. Настоящая статья призвана пролить свет на проблему текстов Цицерона как одного из ключевых свидетельств сведений об этой «пропагандистско-просветительской» миссии философов под предводительством тогдашнего лидера Новой Академии Карнеада, а также о текстах его не дошедших до наших дней речей, в первую очередь – знаменитой и во многом провокационной речи «против справедливости», сохранившейся в памяти потомков в качестве яркого примера демонстративно-нарочитого применения сократического метода в живом философском дискурсе.

Известно, что развитию философии в Риме во II в до н.э. долгое время препятствовала как официальная, так и неформальная политика римского нобилитета. Власть предержащие, в числе которых в первую очередь стоит отметить инициативного консерватора Катона Старшего, стремились искоренить «гнусные новшества» (*nova flagitia*¹), активно препятствуя популяризации и распространению в римском обществе достижений греческой культуры и науки (в первую очередь – философии и риторики). Крайне показателен в данном случае сохраненный Геллием текст сенатусконсульта 161 г. до н.э., с категорическим требованием изгнания из Рима риториков и философов.²

А потому, непродолжительный период пребывания в Риме трех выдающихся интеллектуалов той эпохи, представителя трех философских школ – упомянутых Цицероном академика Карнеада, стоика Диогена и перипатетика Критолая (Cic. De Orat. 2, 155), был воспринят римлянами-консерваторами вполне однозначно – как сугубо враждебная традиционным ценностям и идеалам миссия греческих философов, порождающая исключительно «брожение в умах» у голодной до интеллектуальных штудий, и потому весьма падкой на «модную греческую ученость» римской молодежи.

Афинские послы прибыли в Рим в 155 г. до н.э., ходатайствуя у римских властей отменить штраф, присужденный афинянам за разграбление Оропа в период третьей Македонской войны (Plut. Cato. 22). Историческую подоплеку событий, предшествующих посольству описывают, в частности, Павсаний (Pausan. VII, 11, 4-5) и Полибий (Polyb. XXXIII, 2) (на которого ссылается Геллий – см. Gell. VI, 21, 8–10). По словам Павсания, штраф в 500 талантов был наложен на афинян по ходатайству жителей Оропа в качестве компен-

¹ См. Утченко 1952, 65

² «Quod verba facta sunt de philosophis et de rhetoribus, de ea re ita censuerunt, ut M. Pomponius praetor animadverteret curaretque, uti ei e republica fideque sua videretur, uti Romae ne essent» (Gell, XV, 11, 1).

саци за нанесенный вред. Вероятно, эта сумма была чрезмерной для Афин, серьезно пострадавших от тягот прошедшей войны, что и заставило город отправить посланников в Рим с просьбой о снисхождении.³

Как справедливо отмечают Й. Вотингтон⁴ и Е.З. Лайонс⁵, трое посланников по происхождению даже не были афинянами – Карнеад происходил из Кирены, Критолай из Ликии, а Диоген – из Селевкии на Тигре. Е.Г. Зетцель предполагает, что выбор столь нетипичных персон в качестве посланников именно философов был отнюдь не случаен – занятие философией предполагало изрядную искушенность и в ораторском искусстве, а потому, вероятно афиняне вероятно рассчитывали, что именно красноречие позволит амбасадорам вернее добиться возложенной на них цели.⁶

Слава о мудрости и красноречии греческих ученых мужей быстро разнеслась по городу, и вскоре их речи уже собирали большую толпу охотников до чужеземных знаний, в основном состоящую из образованной молодежи (Plut. Cato. 22). По словам Цицерона, «постоянными слушателями» иноземных философов были и представители знаменитого «кружка Сципиона» – сам Сципион Африканский, Гай Лелий и Луций Фурий Фил, впоследствии выведенные в качестве участников трактата *De Re Publica* (Cic. De Orat, II, 154–155). Не вызывает сомнений, что выступления представителей философского посольства на протяжении нескольких дней, предшествующие участию в заседании сената, где и должен был обсуждаться искомый вопрос, вероятно преследовали имиджевые цели (Gell. VI, 21, 9), и были призваны продемонстрировать римлянам ораторский талант и глубокие познания посланников в различных науках, в частности – философии.

Геллий отмечает существенные стилистические отличия в речах трех философов, особо упомянув об эмоциональности выступления Карнеада: “Violenta,” inquit, “et rapida Carneades dicebat, scita et teretia Critolaus, modesta Diogenes et sobria.” (Gell. VI, 21, 10). Плутарх также свидетельствует, что наибольшим авторитетом и популярностью у слушателей пользовался Карнеад (Plut. Cato. 22).

³ Отметим, что несмотря на то, что формально миссия данного посольства завершилась успехом – сумма наложенного штрафа была уменьшена до 100 талантов,³ даже эти деньги, по указанию Павсания, выплачены не были, а затяжной конфликт и разнообразные тяжбы между Афинами и Оропом протекали еще достаточно долго (Pausan. VII, 11, 7–8).

⁴ Worthington 2021, 172

⁵ Lyons 2011, 21.

⁶ Zetzel 96, 298

Безусловно, наиболее острую реакцию у слушателей вызвали впоследствии вошедшие в историю речи главы Новой Академии о справедливости. По мнению Д. Сидли, именно две речи Карнеада, в первой из которых он защищал справедливость, а во второй – опровергал аргументы первой, оказали ошеломляющее и шокирующее⁷ воздействие на римскую интеллектуальную элиту.

Реакция власть предержащих была вполне предсказуема – по непосредственному наущению Катона, наиболее возмущенного⁸ «страстью к умозрениям, проникающей в Рим» (Ibid), миссия посольства была прекращена, а сами его представители, греческие философы были удалены из Рима.⁹

Несмотря на то, что задуманное Катонем «очищение города от философов» произошло достаточно быстро, данный, на первый взгляд непритязательный исторический эпизод с выступлением против справедливости и скандальным изгнанием Карнеада и его коллег-философов из Рима не только запомнился современникам¹⁰, но и оставил глубокий след в памяти потомков.¹¹

Позже Цицерон охарактеризует данное событие как одно из обстоятельств, пробудивших живой интерес римлян к занятиям ораторским искусством (Cic. De Orat. I, 4). И в этом смысле это предприятие Цицероном более чем столетие спустя обращение к интеллектуальному наследию данного представителя Новой Академии, сделанное в третьей книге трактата De Re Publica представляет безусловный интерес, не только в качестве текстуального источника содержания данных философских произведений, но и в качестве памятника своеобразной интеллектуальной интерпретации, предпринятое Цицероном для популяризации учения скептиков, и опосредованного введения тезисов Карнеада в латиноязычный околофилософский дискурс той эпохи.

⁷ Sedley 2020, 220–221.

⁸ Schofield 2021, 127.

⁹ Zetzel 2017, 299.

¹⁰ Drecoll 2004, 82.

¹¹ Опиравшийся главным образом на тексты Цицерона Лактанций следующим образом описывает выступления Карнеада: «...is cum legatus ab Atheniensibus Romam missus esset, disputavit de iustitia copiose audiente Galba et Catone Censorio maximis tunc oratoribus. sed idem disputationem suam postridie contraria disputatione subvertit et iustitiam quam pridie laudauerat sustulit, non quidem philosophi gravitate, cuius firma et stabilis debet esse sententia, sed quasi oratorio exercitii genere in utramque partem disserendi. quod ille facere solebat, ut alios quidlibet adserentes posset refutare» (Lact. Div. Inst. 5, 14, 3–4).

Вопрос об источнике текстов речей Карнеада, использованному Цицероном, продолжает оставаться дискуссионным, ввиду недостатка первичной информации. Известно, что сам Карнеад, подобно Сократу, никогда не записывал свои выступления (Diog. Laer. 4, 9), вероятно предпочитая устное слово написанному. Возможно,¹² пересказ выступления был сохранен, благодаря ученику Карнеада (а впоследствии – его преемнику в руководстве Новой Академией) – Клитوماху (Diog. Laer. 4, 9–10). Есть указания на то, что выступления Карнеада переводились на латынь сенатором Гаем Ацилием (Gell 6,14,8). На наш взгляд, вполне очевидно, что Цицерон пользовался неким не дошедшим до нас источником речи Карнеада, однако крайне маловероятным представляется, что в его распоряжении было дословное воспроизведение сказанного философом. Думается, что это был источник «из третьих рук» – вероятнее всего, конспект Клитوماха в одной из его работ. Сам Цицерон упоминает, что читал об обстоятельствах посольства Карнеада именно у Клитوماха¹³ (Cic. Acad. II, 137). Также возможно, что конспект речей Карнеада, сделанный Клитوماхом, был получен Цицероном от Филона из Лариссы, у которого будущий великий римский оратор некоторое время учился (известно, что Филон был учеником Клитوماха (см. Cic. Acad. II, 17)).

К сожалению, отдельную серьезную проблему для современного исследователя составляет степень сохранности и аутентичности находящегося в нашем распоряжении текста. Известно, что трактат “De Re Publica” долгое время считался утерянным. Лишь в начале XIX в.¹⁴ благодаря усилиям ватиканского кардинала Анджело Майи (не без посредничества немецкого историка Б.Г. Нибура¹⁵) текст обнаруженного в анналах библиотеки монастыря Боббио палимпсеста данного произведения увидел свет. К сожалению, (как и многие другие средневековые палимпсесты) т.н. “Codex Vaticanus 5757” дошел до нас в крайне плачевном состоянии. Оригинальный текст “De re publica”, написанный унциалом ок. IV в., примерно в VIII в. был соскоблен, дабы освободить страницы ценного пергамента для произведения другого античного автора – «Псалмов» Августина. Как результат, значительная часть значимого памятника ранней латиноязычной политической философии была навеки утрачена.¹⁶ Третья книга, содержащая предпринятое Ци-

¹² Zetzel 96, 300

¹³ В одном из писем в марте 45 г. до н.э. Цицерон просил Аттика отдельно при-
слать ему информацию относительно миссии «философского посольства», утвер-
ждая, что не знает деталей – см. Cic. Att., XII, 23, 2.

¹⁴ Если быть точным, в 1819 г.

¹⁵ По вопросу истории обретения данного палимпсеста см. Zetzel 2011.

¹⁶ По данному вопросу см., напр.: Mercati 1934. 186–222.

цероном популяризированное переложение речей Карнеада, пострадала весьма существенно - ок. 80% ее текста утеряно.¹⁷ Частично текст реконструируется в современных изданиях¹⁸ благодаря позднейшим пересказам (в первую очередь – Лактанция и Августина). И если о ключевых смыслах и тезисах первой речи («против справедливости») излагаемой от лица Фурия Фила, еще можно судить более-менее полноценно на основании сохранившихся фрагментов, то текст второго выступления, речи Лелия, содержащей основные аргументы «в пользу» справедливости, в первую очередь – апологию теории естественного права (Cic. De Rep. 3, 33 = Lact. Div. Inst. VI, 8, 6–9), к сожалению, очень сильно пострадал и чрезвычайно фрагментарен.¹⁹

Вторым важнейшим источником реконструкции является Лактанций (Lact. Div. Inst. V, 14, 3–5; V, 16–18; Erit. 50, 5–8 и др.). На наш взгляд, свидетельство Лактанция является сугубо вторичным источником по отношению к исходному тексту речи Карнеада. Вероятнее всего, Лактанций всего лишь пересказывал текст De Re Publica, а имя Карнеада использовал постольку, поскольку на него ссылается сам Цицерон – тем более, что сам христианский мыслитель говорит об этом вполне однозначно и без особого стеснения (Lact. Div. Inst. V, 14, 3; V, 17, 14 и др.). Иными словами, Лактанций прекрасно понимал, что в De Re Publica имеет место интерпретация тезисов Карнеада, изложенная Цицероном и вложенная последним в уста участников диалога.

Сохранившиеся фрагменты данной части трактата у других позднеантичных авторов – Августина, Нония, Тертуллиана, Амвросия (Aug. Civ. Dei 2, 21, 35–42; Non. 19, 33; Ambros. Off. 1, 28, 136; Tert. Apol. XXV, 14–15 и др.) хотя и менее значимы, также частично проясняют смысл текста, содержащегося на утраченных страницах De Re Publica.

Отдельный интерес представляет вопрос о степени личного вклада Цицерона в интерпретацию речи Карнеада. Д. Глакер²⁰ вслед за К. Бюхнером,²¹

¹⁷ Nahm 1999, 167

¹⁸ Одно из последних изданий: Cicero 2006.

¹⁹ Весьма показательна на наш взгляд характеристика качества сохранившихся фрагментов, данная проанализировавшим состояние данной части палимпсеста Е.Г. Зетцелем: «When complete, the debate on justice – the speeches of Philus and Laelius plus any intervening conversation – occupied 90 folia of V... Of those 90 folia, however, only eleven survive; and of those eleven, ten come from Philus' speech and only one from Laelius', as it happens containing the very last paragraph of the debate» (Zetzel 96, 301–302).

²⁰ Glucker 2001, 57–82.

²¹ Büchner 1984, 282.

обращает внимание на тот факт, что ряд исторических событий, упомянутых в дошедших до нас фрагментах текста речи против справедливости, не могли быть известны данному греческому мыслителю: интердикт с запретом на выращивание олив для заальпийских народов, изданный не раньше 154 г. до н.э. (Cic. De Rep. III, 16); ссылка на Lex Voconia, хотя и принятый в 169 г. до н.э., очевидно, представляющий интерес большей частью для самих римлян (Ibid. III, 17); упоминание нумантийского договора (140 г. до н.э.) (Ibid. III, 28) и др. Таким образом, в данном случае «вмешательство» Цицерона в исходный текст речи вполне очевидно.

Как было сказано выше, в качестве формального рассказчика, излагающего аргументы «против справедливости»²² Цицерон выводит в диалоге Луция Фурия Фила, известного римского политического деятеля, участника уже упомянутого «кружка Сципиона». Важно отметить особую оговорку, специально сделанную Цицероном в начале данного выступления – сам Фил, якобы, лишь номинально выступает в качестве скептика, «сознательно пачкаясь», и всячески отнекиваясь от навязанной ему роли «защитника бесчестности» (Cic. De Rep. III, 8). Вероятно, Цицерон делал это не желая бросить тень на память реально существующего и уважаемого в римском обществе известного исторического деятеля прошлого.

В целом, излагаемые Филом тезисы, навевающие²³ вполне обоснованные ассоциации с широко известной речью Главкона²⁴ о справедливости из второй книги «Государства» Платона (Plato, Rep. 2, 357b и далее), призваны опровергнуть теорию естественного происхождения правовых норм (характерную для философии стоиков). Устами Фила Цицерон фокусирует внимание читателя на конвенциональном характере и релятивности как социальных отношений в целом, так и ценностно-правовых установок в частности: “ius enim de quo quaerimus civile est aliquod, naturale nullum” – Cic. De Re Publ., III, 13). В качестве ключевого аргумента, цитируемый Карнеад выдвигает утверждение о том, что в реальности мы не наблюдаем существование «общечеловеческих» социальных норм, характерных для любых культур, народов и цивилизаций: «nam si esset, ut calida et frigida et amara et dulcia, sic essent iusta et iniusta eadem omnibus» (Ibid). Таким образом все социальные нормы и формальные правовые установления относительно и релятивны и легко изменчивы, ведь в истории человечества они менялись множество раз (Ibid, 17). Если бы сама природа установила для всех людей общечеловече-

²² Среди значимых работ, посвященных данному вопросу, можно отдельно упомянуть: Ferrary 1977; Fott 2014; Mas, 2020.

²³ См. Halm 1999, 177–183.

²⁴ О данном сюжете у Платона см., напр.: Светлов 2017, 411–412.

ские «законы», то они действовали бы раз и навсегда, не изменялись бы со временем, а были бы вечны и неизменны (...sanxisset iura nobis, et omnes isdem et idem non alias aliis uterentur - Ibid, 18). В целом, никакого естественного права не существует ("nihil habet igitur naturale ius" – Ibid.), также как и справедливости «от природы».

Цицерон приводит многочисленные примеры правовых норм и традиций других народов (спартанцев, галлов, критян), существенно расходящихся с кажущимися «очевидными» представлениями о справедливом и должном (морской разбой, ограбления других народов и т.п. Ibid, 15). Небезынтересно, что среди народов, «прославившихся» на почве сотворения несправедливости, Цицерон упоминает и самих римлян. Сложно сказать, насколько свободно Карнеад, к тому же связанный долгом перед соотечественниками, мог обсуждать т.н. «римский империализм». В то же время, Цицерон, будучи консуляром, по нашему мнению мог обращаться к данной теме более свободно. Отметим, что в целом воспевание и оправдание завоевательных войн Рима и римского экспансионизма, в целом характерно для эпохи – весьма показательны в этом отношении, в частности, сочинения Цезаря.²⁵

Частично реконструируя последующие тезисы, с помощью отрывков из Лактанция и Тертулиана, можно сказать, что и дальнейшая аргументация автора была выстроена автором в духе своеобразной «теории насилия». В частности, причиной возникновения государства выступает вовсе не добрая воля и природная склонность людей к справедливости, а их «слабость»: «...etenim iustitiae non natura nec voluntas sed inbecillitas mater est» (Ibid, 18). Когда «каждый боится каждого», государство – результат своеобразного вынужденного общественного договора между народом и «могущественными людьми» (Ibid). Не существует никакого «естественного права», есть лишь право сильного, стремящегося к личной пользе для себя и своей отчизны, добываемой главным образом войной, завоеванием и покорением других государств и племен. И дальнейшие рассуждения Карнеада–Цицерона, воспевающие завоевательные войны, сделаны в духе некоторых высказываний Гераклита. Мир опасен, а действия правителей делают его еще более опасным – весьма показателен здесь приведённый Цицероном в качестве иллюстрации диалог между пленным пиратом и Александром Македонским: «Nam cum quaereretur ex eo, quo scelere impulsus mare haberet infestum uno myoparone, 'eodem' inquit 'quo tu orbem terrae'» (фрагмент сохранился благодаря извлечению Нония – Non. 125,12 = Cic. De Rep. III, 24).

²⁵ Светлов, Федоров 2019, С. 325.

Подлинная слава для правителя, таким образом – подчинять себе других, покорять чужие народы и властвовать над ними.²⁶

Духом своеобразного «социального дарвинизма» и подчеркнуто-демонстративной «аморальности» проникнуты и последующие тезисы, сформулированные в виде своеобразных морально-этических дилемм: обмануть и получить выгоду, или быть честным и пострадать (Ibid, 29); находясь в кризисной ситуации при кораблекрушении – героически погибнуть, спасая другого, или спастись ценой его жизни спастись ценой чужой жизни? (Ibid, 30 и далее)). Во всех этих случаях, по мнению Карнеада–Цицерона, более «рациональное» (оно же, вынужденно – более аморальное) поведение выглядит предпочтительней.

Выводы

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что очевидно провокационные, как по тематике, так и по содержанию, речи Карнеада на тему справедливости, были, вероятно, призваны не только произвести впечатление на римскую интеллектуальную публику могуществом воздействия и выразительными средствами «греческого» красноречия, но и зримо продемонстрировать присутствующим сократический метод ведения философского диспута, активно применяемый академическими скептиками. Рассмотренные речи Карнеада («за» и «против» справедливости) представляют собой один из ярких и типичных примеров практического зримого применения характерного для скептиков методологического принципа, известного в латиноязычной литературе как «disputare in utramque partem»²⁷ – рассматривать проблемную ситуацию с разных сторон, не только не стесняясь возможных противоречий, но и, напротив, акцентируя на них внимание, сознательно провоцируя конфликтную ситуацию между дискутирующими.

Также как Карнеад в середине II в до н.э. стремился познакомить римлян с основными положениями и методологическими принципами скептической философии, сознательно спровоцировав скандал двумя последовательными выступлениями, прямо противоположными по смыслу и аргументации, так и Цицерон, столкнув в диалоге позиции Фила и Лелия, сделал это для популяризации скептического метода ведения философского диа-

²⁶ «Sapientia iubet augere opes, amplificare divitias, proferre fines—unde enim esset illa laus in sum morum imperatorum incisa monumentis, “fines imperi propagavit”, nisi aliquid de alieno accessis set?—imperare quam plurimis, frui voluptatibus, pollere, regnare, dominari» (Ibid, 24); ... и далее: «Quod in singulis, idem est in populis: nulla est tam stulta civitas, quae non iniuste imperare malit quam servire iuste» (Ibid, 28).

²⁷ По данному вопросу см., напр. Ах 1995, 146–177.

лога среди римской интеллектуальной элиты – но уже более поздней исторической эпохи I в до н.э. Отметим, что данный методологический принцип активно популяризировался (Cic. Acad. I, 44-45; Fin. II, 2-3; Fat. 1, Div. II, 150 и др.) и активно применялся Цицероном и в других его произведениях – в качестве наиболее яркого примера можно вспомнить, в частности, скептика Котту из третьей книги *De Natura Deorum*.

Сложно не согласиться с утверждением Лактанция (Lact. Div. Inst. V, 14, 5), что Карнеад абсолютно сознательно собрал в своей речи основные аргументы в защиту справедливости, дабы затем их последовательно опровергнуть. Также и Цицерон, противопоставив в своем трактате мнения «скептика» Фила и «опровержителя» Лелия, вполне сознательно проигнорировал в «ответе» основные (и, во многом, во многом логичные) тезисы первого.

В то же время, «агрессивно-империалистические» тезисы из воспроизводимой Цицероном речи против справедливости, невольно вызывающие в памяти не только фрагменты Гераклита, но и произведения автора куда более поздней исторической эпохи – апологета теории насилия Людвиг Гумпловича, очевидно, вряд ли могли принадлежать авторству афинского посланника Карнеада, выступающего перед римлянами. Зато они вполне могли быть характерны для римского консуляра, тяжело переживающего глубокий социокультурный кризис, охвативший римское государство в период глубокого социокультурного кризиса римской *civitas*, и писавшему трактат в назидание неразумным современникам, начавшим забывать свое славное прошлое.

Заострив, актуализировав и осовременив тезисы Карнеада, насытив его аргументацию сугубо римским колоритом и красками, Цицерон создал вполне самостоятельное, и во многом, прерогативное философское произведение, преследующее вполне конкретные цели популяризации достижений греческой философии – и, в данном случае – академического скептицизма, среди своих современников – т. н. «античной интеллигенции»²⁸ к уму и сердцу которой он так активно и горячо апеллировал, стремясь остановить стремительно надвигающуюся на умирающую римскую республику социально-политическую катастрофу.

Предпринятая Цицероном реконструкция речей Карнеада представляет собой не только яркий образец одной из первых в своем роде попыток популяризации сократического метода²⁹ в латиноязычном философском дискурсе той эпохи, но и в качестве крайне значимого первоисточника скептической философской традиции периода Новой Академии.

²⁸ Фролов 2004, 298.

²⁹ См. Nicgorski 2016, 61–63.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Светлов, Р.В. (2017) «Длинная рука воспитания», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.2, 407–414.
- Светлов, Р.В., Федоров, Д.А. (2019) «Грамматический трактат "De Analogia" и лингвистический консерватизм Юлия Цезаря в контексте античной "языковой политики"», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 13.2, 315–329.
- Утченко, С. Л. (1952) *Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики*. Москва.
- Фролов, Э.Д. (2004) *Парадоксы истории – парадоксы античности*. Санкт-Петербург.

REFERENCES

- Ax, W. (1995) "DISPUTARE IN UTRAMQUE PARTEM: Zum Literarischen Plan Und Zur Dialektischen Methode Varros in De Lingua Latina 8-10," *Rheinisches Museum für Philologie* 138.2, 146–177.
- Büchner K., (1984) *M. Tullius Cicero, De Re Publica, Kommentar*. Heidelberg.
- Cicero (2006) *De republica, de legibus, Cato Maior de senectute, Laelius de amicitia*. Oxford.
- Drecoll C., (2004) "Die Carneadesgesandtschaft Und Ihre Auswirkungen in Rom: Bemerkungen Zur Darstellung Der Carneadesgesandtschaft in Den Quellen," *Hermes* 132.1, 82–91.
- Ferrary, J.-L. (1977) "Le discours de Philus (Cicéron, De re publica, III, 8–31) et la philosophie de Carnéade," *Revue des Études Latines* 55, 128–156.
- Fott, D. (2014) "Skepticism about Natural Right in Cicero's De Republica," *Ethics & Politics* 16.2, 233–252.
- Glucker, J. (2001) "Carneades in Rome Some Unsolved Problems," *Bulletin of the Institute of Classical Studies Supplement 76: Cicero's Republic*, 57–82.
- Hahm, D.E. (1999) "Plato, Carneades, and Cicero's Philus (Cicero, Rep. 3.8-31)," *The Classical Quarterly* 49.1, 167–183.
- Lyons, E.Z. (2011) *Hellenic Philosophers as Ambassadors to the Roman Empire: performance, parrhesia, and power*. Diss. The University of Michigan.
- Mas, S. (2020) "La embajada del 155 a. C.: Carnéades, Cicerón y Lactancio sobre la justicia y la injusticia," *Anales Del Seminario De Historia De La Filosofía* 37(3), 357–368.
- Mercati, G. (1934) "Il codice antico del De re publica," *Prolegomena. De fatis bibliothecae monasterii S. Columbani Bobienis et de codice ipso Vat. lat. 5757*. T. II. Civitate Vaticane, 186–222.
- Nicgoriski, W. (2016) *Cicero's Skepticism and His Recovery of Political Philosophy*. New York.
- Schofield, M. (2021) *Cicero: Political Philosophy*. Oxford.
- Sedley, D. (2020) "Carneades' theological arguments," in C. Balla, E. Baziotopoulou, P. Kalligas and V. Karasmanis (eds.), *Plato's Academy: a History*. Cambridge, 220–245.
- Wilkerson, K. E. (1988) "Carneades at Rome: A Problem of Sceptical Rhetoric," *Philosophy & Rhetoric* 21.2, 131–144.

- Worthington, I. (2021) *Athens After Empire: A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian*. Oxford.
- Zetzel, J.E.G. (1996) "Natural Law and Poetic Justice: A Carneadean Debate in Cicero and Virgil," *Classical Philology* 91.4, 297–319.
- Zetzel, J.E.G. (2017) "The attack on justice: Cicero, Lactantius, and Carneades," *Rheinisches Museum für Philologie* 160, no. 3/4, 299–319.
- Zetzel, J.E.G. (2011) "'Arouse the dead': Mai, Leopardi, and Cicero's commonwealth in Restoration Italy," *Reception and the Classics: An Interdisciplinary Approach to the Classical Tradition*. Cambridge, 19–44.
- In Russian:
- Svetlov, R.V. (2017) "Dlinnaja ruka vospitanija," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 12.2, 407–414.
- Svetlov, R.V., Fedorov, D.A. (2019) "Grammatičeskij traktat "De Analogia" i lingvističeskij konservatizm Julija Cezarja v kontekste antichnoj "jazykovej politiki", *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 13.2, 315–329.
- Utchenko, S. L. (1952) *Idejno-političeskaja bor'ba v Rime nakanune padenija respubliki*. Moscow.
- Frolov, E.D. (2004) *Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti*. St Petersburg.